

С тех пор как он в прошлый раз объяснил своему агенту причину внезапного исчезновения, ответа так и не последовало.

Тун Чжао, разумеется, не стал выкладывать всё как на духу. Он лишь коротко сообщил, что женился и сможет вернуться к работе только через некоторое время.

Его агент — сорокалетняя женщина-бета по фамилии Ли, имя Шань — была мастером в искусстве заискивания перед сильными и притеснения слабых. С тех пор как поползли слухи, что его содержит некий влиятельный человек, она больше не позволяла себе разговаривать с ним в резком тоне.

Тун Чжао догадывался, почему она молчит: скорее всего, решила, что он женился, потому что его бросил покровитель, и он просто нашел первого попавшегося, кто согласился бы его «подобрать». А раз нет больше могущественной спины за плечами, то и церемониться с ним незачем.

Тун Чжао вертел в руках телефон, размышляя, как его встретят на работе. Будет ли всё так же, как в начале карьеры?

Когда он снимался в своем первом фильме, Тун Чжао удалось выделиться среди других кандидатов. Его заметила компания среднего звена, подписала контракт и распределила к Ли Шань. Ходили слухи, что Ли Шань — женщина желчная и строгая, но поскольку под её началом многие артисты добились успеха, Тун Чжао был даже рад такому назначению.

Однако радость длилась лишь до первой встречи.

Тогда он, робея, стоял перед Ли Шань, протягивая ей свое резюме и запинаясь на каждом слове. А она лишь окинула его оценивающим взглядом, усмехнулась и вечером того же дня потащила на пьянку.

Тун Чжао отверг намеки Ли Шань, и с тех пор оказался предоставлен сам себе. У Ли Шань было слишком много подопечных, и она не собиралась тратить время на такого несговорчивого новичка.

Ну и что, что он добился небольших успехов? В индустрии развлечений таланты растут как грибы после дождя — через некоторое время никто и не вспомнит, кто ты такой.

Тун Чжао приходилось самому искать роли: он просматривал группы с объявлениями о кастингах, пересиливая себя, выпрашивал контакты помощников режиссеров у коллег, с которыми когда-то снимался, и предлагал свою кандидатуру. Но сообщения в основном оставались без ответа, и ради выживания Тун Чжао пришлось вернуться к старой работе — играть в массовке.

По иронии судьбы, в первой же массовой, куда он попал, режиссер оставил кадр, где было хорошо видно его лицо, и он снова немного прославился. Один популярный блогер откопал его первый сериал и расхвалил внешность актера, что вызвало немало обсуждений.

Это позволило Тун Чжао спустя полгода снова попасть в поле зрения Ли Шань. С тех пор она, хоть и относилась к нему по-прежнему скверно, всё же изредка подбрасывала ресурсы, от которых отказались другие.

Так продолжалось, пока он не перешел дорогу Гэн Кэли...

Тогда Тун Чжао впервые осознал, насколько страшен мир капитала в шоу-бизнесе. Именно после того случая у него развился страх перед богатыми кланами, который не отпускал его до сих пор.

Тун Чжао помнил, как остался в полной изоляции. Без поддержки агента он не мог сделать и шага. В отчаянии он вспомнил о Шань Суне и впервые сам набрал номер, который тот оставил ему много лет назад.

На звонок ответил женский голос с легкой хрипотцой. После того как Тун Чжао осторожно объяснил ситуацию, не прошло и недели, как всё изменилось. Его карьера возродилась из пепла. Пусть ему доставались лишь маленькие второстепенные роли, он был доволен.

Именно с того момента в индустрии окончательно укрепились слухи о том, что его содержат. Ли Шань, вероятно, тоже в них поверила, поэтому и сменила гнев на милость.

Впрочем, Тун Чжао это уже не волновало. Люди удивительно быстро ко всему привыкают. По сравнению с внезапно свалившимся статусом внебрачного сына богатого семейства и браком с человеком, который оказался добрым благодетелем, придирки Ли Шань казались детским лепетом. Он больше не был тем растерянным новичком, и справиться с подобным для него не составляло труда.

К тому же, интуиция, отточенная годами, подсказывала ему, что Шань Сун не оставит его в беде.

Тун Чжао едва заметно улыбнулся, взглянул на время — уже за десять — и решил, что пора спать.

Бар.

Шань Сун погасил экран телефона, на котором только что отправил Тун Чжао пожелание спокойной ночи, откинулся на спинку дивана в глубине кабинки и запрокинул голову, вливая в

себя алкоголь.

Рядом сидели несколько известных своей разгульной жизнью «золотых деток». Видя его состояние, они переглянулись, и кто-то осторожно начал:

— Молодой господин Шань, так пить вредно для здоровья. Что случилось? Расскажи братьям, что тебя гложет?

— Даже если не хочешь говорить, не пей в одиночку! Давай вместе!

— Есть ли такая проблема, которую наш господин Шань не смог бы решить? Поссорился с каким-то омегой?

Другой тут же толкнул его в бок и прошептал:

— Что ты мелешь? Не сыпь соль на рану, ты разве не знаешь, что он только что обручился?

Тот поспешно исправился:

— Прости, язык мой — враг мой! Наказываю себя тремя рюмками, прошу прощения у господина Шаня!

Шань Суну было не до них. Он с помрачневшим лицом выпил еще немало, и с каждой рюмкой его настроение становилось всё хуже. Наконец, допив половину бутылки, он с силой швырнул её на пол.

Он обвел взглядом присутствующих, и те поспешно отвели глаза, боясь попасть под горячую руку. Казалось, он сильно пьян: Шань Сун попытался встать, пошатнулся, и когда один из парней попытался его поддержать, он грубо оттолкнул его.

Это движение словно сорвало с него предохранитель. Шань Сун тяжело выдохнул и злобно сплюнул:

— Чжоу Муюань, старый хрыч! Кем он себя возомнил? Столько лет его облизывали, и он решил, что чего-то стоит? Если бы не моя мать, где бы он был сейчас?

— Думаете, я не понимаю, зачем он решил сосватать мне этого внебрачного сына семьи Цинь?

— Да чтобы расчистить путь своему драгоценному сыночку, моему «дорогому» братцу. Интересно, хватит ли у него смелости прийти? — голос Шань Суна стал зловещим, а взгляд — таким, словно он готов был растерзать человека. — Внебрачный сын — он и есть внебрачный

сын. Ха! Весь в свою мамашу-любовницу, такой же бесстыжий и никчемный!

— Хочет пробиться наверх? Пусть сначала спросит, согласен ли я, Шань Сун...

— У него еще пушок на губах не вырос, а он лезет в дела семьи Чжоу. Всё пойдет прахом...

Шань Сун кричал так громко, что даже в шумном баре к их кабинке потянулись зеваки. У стеклянных дверей мелькали тени. Неизвестно, сколько людей успели услышать его слова.

Остальные, опасаясь гнева семьи Чжоу, поспешили разогнать толпу, пытаясь успокоить Шань Суна. Но тот, распалившись, опрокинул столик. Стоя посреди осколков стекла, он принялся называть имена и проклинать семьи Чжоу и Цинь.

В его речи всплывало столько грязных тайн, что окружающие замерли, боясь даже дышать, мечтая лишь о том, чтобы оглохнуть. Шань Суна они боялись, но семьи Чжоу и Цинь пугали их ещё больше. Организаторы вечеринки уже тысячу раз пожалели, что позвали его сегодня.

Шань Сун не обращал на них внимания:

— Думаете, я пропаду без семьи Чжоу? Да плевать мне на них! Пусть этот брак достается его любимому сынку...

Один из присутствующих попытался выступить миротворцем:

— Господин Шань, не говорите сгоряча. Если кто-то услышит и разнесет слухи, это плохо отразится на вас...

Шань Сун холодно усмехнулся:

— Боюсь? Я хочу, чтобы они услышали!

— Даже если Чжоу Муюань встанет передо мной, что с того? Он просто выскочка, который проглотил имущество нашей семьи, а теперь ещё и пытается нас унижить!

После этих слов лица тех, кто стоял ближе всех, позеленели. Если Шань Сун продолжит, им всем конец.

— Господин Шань, может, закажем красивых омег, чтобы расслабиться? Здесь слишком шумно, ещё поранитесь ненароком.

— Заказать омег? — Шань Сун, казалось, заинтересовался.

Тот, увидев реакцию, поспешно заулыбался:

— Ну конечно! Это же просто брак по расчету, женитесь, посадите его дома, а на стороне развлекайтесь как хотите.

Шань Сун с полуулыбкой, чеканя каждое слово, повторил:

— Посадить дома... и всё?

— Ну да...

Видя, что этот дурак продолжает болтать, остальные скрежетали зубами, шепотом приказывая ему замолчать. Но было поздно. Шань Сун перестал улыбаться, схватил его за голову и с силой ударил о пол. В кабинке, исходя от Шань Суна, внезапно взорвался запах феромонов, отдающий привкусом крови.

— Вон! Все вон!

Люди, преодолевая тошноту, не раздумывая, бросились к выходу, спасая свои жизни.

Администраторы бара колебались, стоит ли вызывать полицию, но менеджер их остановил. Он знал, кто такие Шань Сун и его компания. Глубоко вздохнув, он подождал минут десять, прежде чем решиться войти.

Шань Сун сидел в кабинке, словно уснув. Менеджер с облегчением выдохнул и приказал двум барменам быстро утащить потерявшего сознание парня. Затем он тихо прикрыл дверь и велел персоналу:

— Уберете, когда он уйдет. И не пускайте сюда любопытных, если жизнь дорога.

— Слушаемся.

Толпа рассеялась, и в огромной кабинке Шань Сун остался один.

Спустя некоторое время телефон на диване тихо завибрировал. Шань Сун открыл глаза — взгляд его был ясным.

Он ответил на звонок:

— Кто это?

<http://bllate.org/book/20016/1975120>